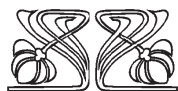
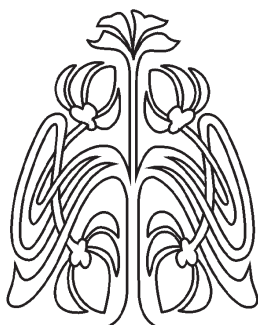
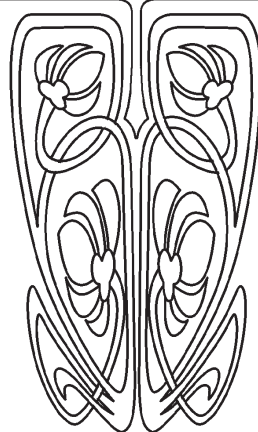

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

Научная статья
УДК 130.122+165.1

Социально-эпистемические арены познания истории

Д. С. Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию проблемы трансформации исторического знания в цифровую эпоху. Автор полагает, что историческая наука, существующая в парадигме «Digital Humanities», обрела новый объект познания – коллективную память, отказываясь от изучения прошлого как несуществующей реальности в пользу исследования представлений о нем. Историческое знание все больше сближается с исторической памятью, так как и то и другое формируется в многоканальном процессе коммуникации в рамках социально-эпистемических арен. **Теоретический анализ.** Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки производства исторического знания, вырабатываемого учеными-профессионалами, «умными толпами» и цифровыми технологиями в коллективных форматах работы. Познание, осуществляемое участниками социально-эпистемических арен, является распределенным. Оно ориентировано на социальный контекст и коллективную память, так как предполагает включение в новые интерпретации прошлого всего предыдущего опыта осмысления исторической реальности всех участников процесса познания. **Заключение.** Участие интернет-пользователей в изучении истории, присваивающих себе результаты коллективной исследовательской работы, приводит к нивелированию границ между историческим знанием и исторической памятью. Устройство социально-эпистемических арен основывается на принципах риторических арен коммуникационного пространства, гражданской науки и подчинено логике медиа.

Ключевые слова: социально-эпистемическая арена, риторические арены, историческое знание, историческая эпистемология, социальная эпистемология, распределенное познание, историческая память, коллективная память

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах»).

Для цитирования: Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-epistemic arenas of historical cognition

D. S. Artamonov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Artamonov, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the problem of the production of historical knowledge in the digital age. The author believes that historical science, existing in the paradigm of «Digital Humanities», has acquired a new object of cognition – collective memory, abandoning the study of the past as a non-existent reality in favor of the study of ideas about it. In the multi-channel communication process, the formation of socio-epistemic arenas brings historical knowledge and historical memory together. **Theoretical analysis.** Socio-epistemic arenas are communication platforms for the production of historical knowledge developed by professional scientists, «smart crowds» and digital technologies in collective work formats. Participants in socio-epistemic arenas carry out distributed cognition, which is associated with the social context and collective memory, as it involves the inclusion of all previous experience of understanding historical reality in new interpretations of the past. **Conclusion.** The participation of the masses of Internet users in the study of History, who appropriate the results of collective research work, leads to the leveling of the boundaries between historical knowledge and historical memory. The principles of the rhetorical arenas of the communication space and civil science determine the structure of socio-epistemic arenas, the functioning of which is subordinated to the logic of the media.

Keywords: socio-epistemic arenas, rhetorical arenas, historical knowledge, historical epistemology, social epistemology, distributed cognition, historical memory, collective memory

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: a study of media strategies for reproducing ideas about the past in Russia and foreign countries”).

For citation: Artamonov D. S. Socio-epistemic arenas of historical cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровая революция современного общества изменила традиционные способы производства знания, а вместе с этим изменились и представления об его источниках. В классической эпистемологии выделяют три источника знания: 1) находящийся в фокусе познания объект; 2) субъект и его познавательные способности; 3) социальные условия познания [1, с. 5]. Значение субъекта в познавательном процессе определялось его творческой конструктивной ролью в получении знания, но вместе с тем за ним признавался ряд недостатков, присущих ему иллюзий и заблуждений. Социальные условия познания лишь усугубляли ситуацию, наделяя субъекта предрассудками, стереотипами, мифами, культурными штампами, которые он приобретал в процессе социализации и жизни в обществе и полностью освободиться от которых был не в силах. Только объект познания сохранял позитивное содержание знания, вычленение которого требовало интеллектуальных усилий по преодолению субъективного восприятия действительности, окруженного личностными и социальными помехами и внешними шумами. Между тем и субъект, и объект представляют собой социальные конструкции, так как познается только то, что является частью человеческого мира, следовательно, содержание и форма знания социальны, а познание возможно только с учетом норм и правил, установившихся в обществе. Данный подход был обоснован социальной эпистемологией.

Устранение исторического и философского знания из социального контекста равнозначно его ликвидации. Социальные и культурные факторы не просто обуславливают определенные модификации гуманитарного знания, они вы-

ступают его главным конструирующим инструментом. Историческое знание невозможно без интерпретации данных, носящей субъективный характер, а обращение к трудам предшественников усиливает субъективность восприятия событий прошлого и их реконструкцию, так как представляет собой интерпретацию интерпретаций. Субъективность историка детерминирована социальными условиями современности и методологией научного исторического исследования, поэтому историческое знание обладает собственной эпистемологией – исторической, которую необходимо рассматривать как часть социальной.

Признание невозможности преодоления историком при реконструкции прошлого своей субъективности стало общим местом в историко-эпистемологических исследованиях, посвященных теории исторического познания. Историк не может быть свободным от личных убеждений, ценностных установок и идеалов, обусловленных социальной, этнической, религиозной и т.д. группой, к которой он принадлежит, в силу чего его взгляды определяют восприятие им социальной и исторической реальности. Осознание невозможности преодоления историком субъективности привело к тому, что историческую науку стало меньше интересовать воссоздание реальности прошлого, событий и условий человеческой деятельности, а усилия историков сконцентрировались на исследовании способов восприятия и интерпретации людьми окружающей их действительности. Дискурс постмодернизма определил интерес историков к субъективному историческому опыту человека и потребовал изменения объекта исследования. Постмодернистских исследователей истории стала волновать не объективная историческая истина, отраженная в

источниках и позволяющая воссоздать прошлое таким, каким оно было, а память, содержащая представления о прошлом и демонстрирующая то, как оно воспринимается, исходя из индивидуального исторического опыта.

Теоретический анализ

Как отмечал Й. Рюзен, культурные практики воспроизведения прошлого как истории, ее символического изображения занимают место профессиональных академических практик производства исторического знания, что вызывает интерес «не только в гуманитарных науках, но даже более в общественной жизни, где мемориалы, монументы, годовщины и другие институты и церемонии коллективных воспоминаний играют важную роль» [2, с. 10]. Историк, вступая в пространство изучения исторической памяти, приобретает связь с настоящим, так как память – это всегда актуальный феномен, переживаемый здесь и сейчас. В ситуации постмодерна данное положение вещей составляло проблему, потому что история, помещенная на почву живой памяти, теряла статус науки. Утрачивая свои фундаментальные принципы познания, она признавалась средством идеологии и политическим оружием в борьбе за власть, синтезирующим научную рациональность и литературную форму в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции прошлого.

Эпоха метамодерна, актуализировавшая настоящее вместо будущего модерна и прошлого постмодерна, дает истории как науке второй шанс. В 2011 г. Льюк Тёрнер в своем «Манифесте метамодерниста» утверждал, что ностальгия и футуризм являются приметой современности, где настоящее определяется как сочетание безотлагательности и угасания. Новые цифровые технологии предоставляют возможность одновременного восприятия, интерпретации и репрезентации событий с множества различных позиций, что способствует «демократизации» истории, в которой научность сочетается с «поэтической элегантностью», а в поисках истины участвуют не только ученые, но и художники, рассматривающие всю информацию как почву для эмпирического или афористического знания, независимо от её истинности [3].

Несмотря на то, что исследователи говорили о демократизации исторического знания уже с конца XX в. (например, А. Мегилл и др. [4, с. 235, 439]), историческая наука только сейчас, обратившись к изучению феномена коллективной памяти, может выйти из затяжного кризиса, вызванного невозможностью дать объективную картину прошлого. Методы исторического исследования, выработанные при изучении истории повседневности,

истории идей, общественного мнения, микроистории, эго-документов, больших массивов данных, оказываются вполне пригодными для анализа коллективных форм памяти, существующих не только в настоящем, но и в прошлом. История, избравшая объектом исследования историческую память, может дать объективное представление о том, как воспринималось и воспринимается прошлое и какие его образы определяют массовое сознание. Историческое знание, таким образом, представляет собой знание о памяти.

В создании коллективно разделяемых представлений о прошлом участвуют большие группы людей, воспроизводящие образы прошлого в процессе коммуникации. Память и ее коллективные формы могут рассматриваться как коммуникационный феномен. Я. Ассман связывает коммуникативную память с устной историей (*oral history*), с воспоминаниями о недавнем прошлом, разделяемыми современниками и циркулирующими в обществе в течение 2–3-х поколений [5, с. 52–54]. Между тем память формируется в процессе постоянного общения индивидов между собой внутри различных сообществ путем обмена воспоминаниями, новостями и знаниями. Это общение может происходить непосредственно при устной коммуникации, но с развитием коммуникационных каналов оно становится все более опосредованным, а социальные медиа начинают играть определяющую роль в конструировании общих воспоминаний о прошлом вне зависимости от того, насколько хронологически далеко это конструирование отстоит от современности. Память о Древней истории в медиапространстве конструируется по тем же правилам, что и воспоминания о событиях вчерашнего дня, а углубленная погруженность современного человека в медиа стирает между этими периодами принципиальную разницу. Давняя история может быть не менее актуальной, чем события, произошедшие накануне.

Эмпирический анализ

В коммуникационном пространстве обмен информацией происходит в формате риторической арены, состоящей из множества голосов, общающихся друг с другом, с окружающими или друг против друга. В теории риторической арены под голосом понимается вклад различных коммуникаторов в производство информации с учетом того, что роли отправителя и получателя изменчивы. Данное представление было первоначально разработано для описания принципов работы организационной кризисной коммуникации, но оно обладает широким концептуальным аппаратом, применимым к другим контекстам.

Риторические арены состоят из множества различных коммуникационных пространств, аккумулирующих разные виды информации, повествований и интерпретаций. В них имеют место как сложные и динамичные коммуникационные акты, вовлекающие многих производителей информации по различным каналам, так и коммуникационные процессы, протекающие внутри арены, в которых особое значение имеют контекст, тип медиа, жанр и текст. Основной характеристикой риторической арены является используемый канал коммуникации, определяющий набор возможностей и типы коммуникативного поведения различных групп пользователей. Например, традиционные СМИ отличаются односторонней коммуникацией, но они обеспечивают широкое освещение событий на большие аудитории, а социальные медиа подразумевают многоканальную связь и используются для обмена информацией и ее обсуждения [6, р. 238].

Производство исторической информации в цифровом обществе, как и любой другой, подчинено логике риторических арен, подразумевающей не только формальные, но и неформальные процедуры, публикационные нормы, коммерческие стратегии и применение технологий, влияющих на процесс создания медиа-сюжетов, и дополненных логикой социальных медиа, изменивших алгоритмы создания и распространения контента, формат информационного материала и способы его восприятия. Цифровой поворот в гуманитарных науках обусловил изменения в механизмах производства исторического знания, они стали более подвержены принципам медиа, причем исследовательский процесс всегда предполагал не только научные открытия, но и их публикацию [7, с. 59]. Цифровые гуманитарные науки отличает междисциплинарность, совместный характер работы и социальное вовлечение, ставшее возможным благодаря социальным медиа. Научные поиски активизируют создание локальных сетевых сообществ, объединяющих профессиональных ученых и непрофессионалов-любителей, использующих информационные технологии для производства, репрезентации и трансляции знаний. Эти сообщества существуют в формате риторических арен, которые следует рассматривать в качестве социально-эпистемических, что соответствует их научной и знаниевой природе. Другими словами, социально-эпистемические арены выступают разновидностью риторических арен, действующих в коммуникационном пространстве производства любого социально значимого знания, в том числе и исторического.

Выработка знания в рамках социально-эпистемических арен организована на принципах научного исследования и гражданской науки (Citizen science), коллективной работы, при помощи технологий краудсорсинга, с привлечением широкого круга добровольцев и проводится на медиа-площадках, которые обеспечивают репрезентацию и публикацию полученного результата. В производстве знания участвуют три равноправных актора: 1) ученый-профессионал или группа ученых, определяющие проблему исследования, ставящие задачи и выступающие организаторами работы; 2) «умные толпы», массы интернет-пользователей, любители-добровольцы, объединенные при помощи социальных медиа и организованные на совместную деятельность; 3) цифровые технологии (нечеловеки в терминологии Б. Латтура), выступающие не только в роли инструментов научного исследования, но и активно влияющие на конечный результат при помощи систем искусственного интеллекта. Знание в данном процессе является результатом разнонаправленных коммуникационных актов, производимых с целью получения необходимой актуальной информации.

В рамках социально-эпистемических арен субъектом производства знания оказываются не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники, осуществляющие распределенное познание. По мнению Э. Хатчинса, существенными чертами распределенного познания являются коллективность, осуществление познания в естественной социальной среде и включение в коллектив познающих материальных носителей и технологий [8, р. 45–46]. Цифровые технологии позволяют задействовать в процессе распределенного познания неограниченное количество заинтересованных акторов, фиксируя следы профессиональных дискуссий и общественных обсуждений. Сформировавшееся в результате таких дискуссий знание является социально прочным, так как опирается на вклад большого числа членов социума, и эпистемически надежным, так как получает одобрение общества, участвующего в его создании. Распределенное познание предполагает включение в текущую познавательную ситуацию уже сделанных выводов и опыта прошлых событий, а потому оно становится связанным с коллективной памятью [9, с. 180].

Заключение

Введение понятия «социально-эпистемическая арена» позволяет описать новые способы производства исторического знания в цифро-

вом обществе. Оно перестало быть монополией профессиональных историков, так как прежде молчаливое большинство масс получило право голоса в интерпретации прошлого. Повышенный интерес к исторической памяти со стороны не только общества, но и профессиональных историков позволяет преодолеть кризис исторической науки через ее массовизацию и цифровизацию. Историческое знание становится также знанием и об исторической памяти и между ними все труднее провести границу. История и память в коммуникационном пространстве сливаются в одно целое и их воспроизводство подчинено механике риторических арен, организовывающихся в медиасреде. Социально-эпистемические арены – это риторические арены в сфере познания, характеризуемого цифровой коммуникационной природой.

Список литературы

1. Касавин И. Т. Социальная эпистемология : понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7, № 1. С. 5–15.
2. Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 7. С. 8–25.
3. Turner L. Metamodernist || Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 29.11.2021).
4. Мегилл А. Историческая эпистемология / науч. ред. Л. П. Репина. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
5. Ассман Я. Культурная память. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Rodin P., Ghersetti M., Odén T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication : A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2019. № 27. P. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>
7. Тихонова С. В., Афанасьев И. А. Общество риска : мифологизация одной парадигмы // Человек. 2009. № 3. С. 57–63.
8. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27, № 1. P. 34–49.
9. Шиповалова Л. В. Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый : лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–190. <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

References

1. Kasavin I. T. Social epistemology: Concept and problems. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2006, vol. 7, no. 1, pp. 5–15 (in Russian).
2. Ryuzen Y. “Losing the sequence of history”. *Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoj istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review], 2001, no. 7, pp. 8–25 (in Russian).
3. Turner L. *Metamodernist || Manifesto*. Available at: <http://www.metamodernism.org/> (accessed 12 November 2021).
4. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Canon + ROOI “Rehabilitation” Publ., 2007. 480 p. (in Russian).
5. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat* [Cultural Memory]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
6. Rodin P., Ghersetti M., Odén T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2019, no. 27, pp. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>
7. Tihonova S. V., Afanasev I. A. Risk Society: Mythologization of one paradigm. *Chelovek* [The Man], 2009, no. 3, pp. 57–63 (in Russian).
8. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition. *Philosophical Psychology*, 2014, vol. 27, no. 1, pp. 34–49.
9. Shipovalova L.V. Distributed cognition – analytics and problematization of the concept. *Cifrovoj uchenyj: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher’s Lab], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 175–190 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 22.06.2022